Грядет футбольный чемпионат. Да даже если не грядет, проблема: как стать гостеприимными – стала наиважнейшей в наших палестинах. Чем удивлять будем? Музеями? Событиями? Фестивалями? Памятниками?

Так и хотелось назвать полосу: «Навстречу мундиалю!», но решили никого не дразнить заголовками. Тем более авторы сделали это в предлагаемых материалах. Бесспорно: с памятниками лучше, чем без памятников. Вопрос в другом: с какими памятниками? И что важнее: сохранить индивидуальность или – «хоть чучелом, хоть тушкой», лишь бы стать информационным поводом?

Памятники бывают разные, но много их не бывает

Александр ЗАВАЛЬНЫЙ*
Фото РИА «Новости»

■ Долгое время в дореволюционной Самаре было почти все: Волга, хлеб, «горчишники», градоначальники, евреи и газеты. Не было только памятников.

Это страшно угнетало самарцев, и, в конце концов, они не выдержали. Скинувшись всем миром и добавив кое-что из городской казны, поставили на гранитный пьедестал Царя-Освободителя. Александр II, повернувшись спиной к благодарной Самаре, задумчиво смотрел в сторону Сызрани и Москвы. Были еще два бюста купцов-благотворителей, но сейчас о них мало кто помнит: таков удел всех благотворителей.

А царя забыть не могут. Правда, в 1918 году тогдашние экстремисты и радикалы поступили с ним так, как сейчас кое-где с Лениным: распилили на кусочки. Самарцы погоревали, а куда денешься – против дубины и прутьев не попрешь. Со временем экстремисты чуток остепенились и водрузили на пустой пьедестал своего кумира – в кепке, с любовно засунутой в штанину рукой; и дважды в год – после таяния снега и в преддверии зимних холодов – водили около памятника хороводы, словно тореадоры на корриде. Кумир, в общем-то, вел себя тихо, на красный цвет не реагировал – и к нему постепенно привыкли.

Но бронзы в СССР было много, и, когда написали роман о народном герое Чапае и назвали в честь него город, то решили в том городе героя увековечить. Ан нет, как самарские власти глянули на Чапая с конем и комиссара с кулаком – то приструнили гонористых чапаевцев: в Самаре скакать герою. Прямо на крайком ВКП(б)! Всей дружной труппой, словно только что из театра вырвались.

А еще через несколько лет недалеко от Чапая встал товарищ в сапогах. Кепку – чать, не Ленин – в руке нервно зажал. В народе его «чучелом» прозвали. Голенища – во!, головища – во! В сумерках малышам без мам туда ходить опасно: заикаться начнут.

В дозастойный, застойный и послезастойный периоды памятниками в Самаре тоже баловались. То Мироныч, убиенный, в полутанце появится, то спортивного вида бабы да мужики набережную оприходуют, то трехглавая гидра революции не в синхрон захрипит, то что-то неведомое у Дома молодежи вздрогнуть заставит.

Лучше всего нам удавались вещи в натуре: грузовик там, самолет иль ракета, – стоят и душу радуют, понятно и доходчиво. Лучший символ тех лет замер с поднятыми вверх руками. Что он там держит, трудно сказать, но самарцы от него балдеют. И до сих пор хвастают перед иногородними: «А у нас в Самаре – свой Паниковский».

Когда закончилась перестройка, плавно перешедшая в демократию со стабильностью, пришло время Хинштейна. В Самаре он открыл новую эру – эру малых памятников. Их стало так много, что самарцы ошалели – кто от неожиданности, кто от зависти. И впрямь, что за безобразие: при Азарове и Хинштейне их больше, чем при всех предыдущих, вместе взятых.

А уж дай нашему самарцу побрюзжать да злобушку выплеснуть – мало не покажется. Слава Богу, у нас теперь толерантность, можно не только похаять, но и порадоваться. И ведь радуются. И кто радуется? Детишки. Их не обманешь. И специально не заставишь у Буратино и швейковской собачки носик полировать. А около товарища Сухова публики не меньше, чем в его гареме. Да, скажут, но есть и… есть. И публика голосует ногами за и против того, что нравится или не нравится.

Плюс самый веский в купеческом городе аргумент: деньги на памятники тратятся не бюджетные. Правда, в этом году появится ещё один, на который раскошелится город. Это будет бронзовый князь Засекин. Строитель и первый воевода Самары. Почти уверен: князя мы полюбим сразу и безоговорочно. Ведь без него не было бы города со всеми его жившими и живущими обитателями. А во-вторых, это одно из лучших творений одного из лучших скульпторов России. И, кстати, нашего земляка.

***P. S.** Очень хочется верить, что любовь самарцев к памятникам окажется все же сильнее неугомонной тяги к цветному металлу.*

* Краевед, главный библиограф Самарской областной универсальной научной библиотеки, заслуженный работник культуры России, член Совета по культуре при губернаторе Самарской области.

УТЕРЯННОЕ

Куда убежал мальчик?

Любовь ЧЕРНЯЕВА*
Фото автора

Один мальчик город от пожара спас…
Вместо эпиграфа

Вместо предисловия

В Тольятти есть памятник. Он – объект культурного наследия. И он – история нашего города. И он не похож ни на один памятник в нашем городе. И он точно провидением здесь появился. И не важно, что его уже нет: он есть в архивах городского музея, в виде фотодокумента и паспорта к нему – а значит, всё! – он исторический факт.

Говорят, рукописи не горят. Так вот, горят они запросто, и каждая буква слова пеплу отдается доверчиво и сразу, и исчезает бесследно и навсегда, и автора с собою хоронит. И будущего нет в этот миг, в пожаре оно – забвение. А мальчик – один, из легенды – город целый от пожара спас. Выходит, рукописи остаются.

Если мальчик не страшится пожара.

• **Бег. Москва, Малый Манеж, 2008**

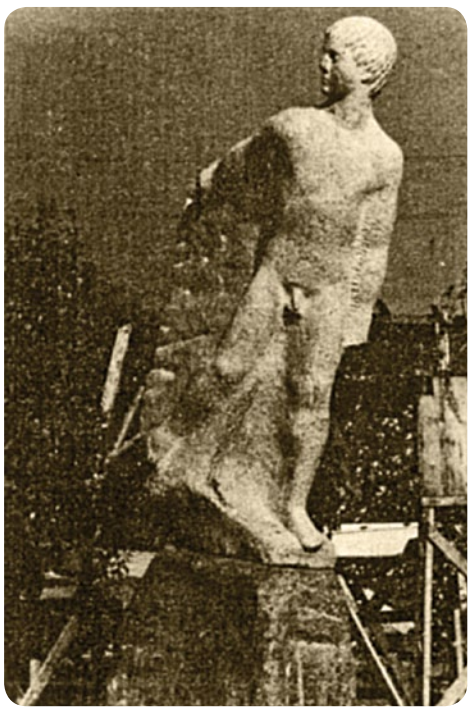
Вместо памятника (герою)

В Тольятти, на закате советской эпохи, появился он: легкий, бегущий; когда на улицах всей страны разъезжали модные «Жигули» и на перекрестках всех выборов располагались монументы и бюсты Героям – войны или труда.

А мальчик, лет двенадцати, был обнажен: навстречу спрятанной душе мира, – и устремлялся вперед, к ней, и смотрел, кого можно взять с собой из прошлого. Из советского прошлого – навстречу спрятанной душе мира, не скрывая за пазухой камня, окаменев в детском и бескорыстном своем устремлении. Звали мальчика «Бег», и установлен он был в парке Победы – нет, не у монумента Славы разумеется, а на периферии, ближе к улице революционера Фрунзе…

Вместо паузы

Мальчик «жил» в нашем городе около 12 лет: с 1987 года до начала 2000-х. А потом убежал. От кого убежал? – спросите вы? Неужели от вандалов, которые якобы откололи скульптуре голову, а затем и тело? Или от предприимчивых дачников, воспользовавшихся реконструкцией парка? Или от тех, кто не распознал в объекте руку мастера – известного московского скульптора Сергея Горяинова, который наряду с другими выдающимися советскими художниками накануне «лихих» 90-х творил для Тольятти «новую скульптуру» в рамках первого в Российской Федерации симпозиума скульпторов, ко Дню рождения нашего города…



• **Бег. Тольятти, 1987**

Вместо исторической справки

Из паспорта объекта: *«Художественная выразительность композиции «Бег» Сергея Горяинова (члена Союза художников с 1978 г.) строится на контрасте аморфной невыразительности каменного блока с динамикой движения в рожденной из инертного материала фигуре бегущего мальчика. В то же время в пластическом решении скульптуры автор не идет от противопоставления ее «организованной» части с невыразительностью материала в исходном каменном блоке. Здесь, скорее, подчеркивается идея органической взаимообусловленности двух форм бытия одной природной материи. Пластическая выразительность формы возникает не через сопротивление материала, а благодаря ему, в процессе перерождения. Момент рождения скульптор подчеркивает юностью возраста, обнаженностью фигуры и легкостью ее движения…»*

Вместо эпилога

Мальчик убежал, оставив в архивах краеведческого музея свое изображение, историю своего создания. А в художественном музее – каталог первого и последнего в СССР симпозиума лучших скульпторов страны. В одном экземпляре…

Осенью 1987 года в Тольятти в рамках мероприятий, посвященных юбилею основания Ставрополя-Тольятти, состоялся первый в РСФСР симпозиум скульпторов, работающих по камню. В положении о симпозиуме творческая программа не оговаривалась. Художественные установки возникали и решались в процессе самой работы, когда характер материала, размер и форма выбранного камня определяли будущее произведение. Подготовка технической базы и материальное обеспечение производилось силами ВАЗа. Группа скульпторов работала два месяца. 2 октября в Молодежном центре Автозаводского района состоялось обсуждение и подведение итогов симпозиума.

Но что удивительно – он жив! Ему около 40 лет. Во времени он отделился от неоформленного куска камня, из которого вышел. Он взял в руки лук. Но орудия убийства так и не приобрел: натянутой стрелы нет в его образе. Потому как он сам – напряженное устремление обнаженной души ребенка навстречу спрятанной душе мира…

* Зав. сектором проектной деятельности Тольяттинского краеведческого музея, куратор проекта «ПАМЯТЬ МЕСТА: *о мере*».